

DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-3-68-87

СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ПОСТКОВИДНОЕ ВРЕМЯ В ГОРОДЕ И В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

К.А. Галкин, канд. социол. наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, ул. Большая Андроньевская, д. 5. стр.1, г. Москва, 109544*

В статье рассматриваются стратегии адаптации пожилых людей в постковидное время в городе федерального значения и сельской местности. На основании анализа 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми из Санкт-Петербурга и сел Республики Карелия представлена авторская типология стратегий адаптации этой категории граждан.

В исследовании выделены три стратегии, которые отличаются взглядами на адаптационный процесс. Классификация стратегий адаптации проведена на основании тематического анализа интервью, который позволил выделить ключевые темы, в рамках которых пожилые обозначали, как они справляются (или не справляются) с новыми условиями жизни, а также осмысливают то, как происходит их адаптация. Выделенные стратегии показали, что главным различием выступает именно наличие тех или иных ресурсов, а также доверие к средствам массовой информации и органам государственной власти для адаптации к новым временам и возможности быстро подстраиваться под изменяющуюся, трансформирующуюся темпоральность современного мира. Обозначенные в исследовании стратегии позволяют рассматривать, как специфика восприятия возраста трансформируется в зависимости от принятия или непринятия перемен, происходящих в постковидное время. Результаты исследования показали, что достижение пенсионного возраста является фактором, который в том числе затрудняет адаптацию пожилых людей. При этом важным выступает поиск занятий на пенсии, которые могут способствовать лучшей адаптации пожилых. Инициативы и меры социальной политики, реализуемые в отношении пожилых людей на пенсии (особенно в возрасте 75 лет и старше), не способствуют полноценному участию этой категории граждан в различных видах деятельности.

Ключевые слова: *пожилые люди, адаптация, постковидное время, пожилые в городе и в селе.*

* Галкин Константин Александрович, e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

STRATEGIES OF ADAPTATION OF OLDER PEOPLE IN POST-COVID TIME IN THE CITY AND IN RURAL AREAS

Galkin Konstantin A., Ph.D. sociological Sci., Senior Researcher, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, st. Bolshaya Andronievskaya, 5, building 1, Moscow, 109544, e-mail: Kgalkin1989@mail.ru

The article discusses strategies for the adaptation of elderly people in post-retirement time in a federal city and rural areas. Based on the analysis of 30 semi-structured interviews with elderly people from St. Petersburg and villages of the Republic of Karelia, the author's typology of adaptation strategies for this category of citizens is presented.

The study identifies three strategies that differ in their views on the adaptation process. The classification of adaptation strategies was carried out on the basis of a thematic analysis of interviews, which made it possible to identify key topics in which the elderly indicated how they cope (or do not cope) with new living conditions, as well as comprehend how their adaptation occurs. The highlighted strategies showed that the main difference is the availability of certain resources, as well as trust in the media and public authorities to adapt to new times and the ability to quickly adapt to the changing, transforming temporality of the modern world. The strategies outlined in the study allow us to consider how the specifics of the perception of age is transformed depending on the acceptance or rejection of changes occurring in the post-teen period. The results of the study showed that reaching retirement age is a factor that, among other things, makes it difficult for older people to adapt. At the same time, it is important to search for retirement activities that can contribute to better adaptation of the elderly. Initiatives and social policy measures implemented in relation to retired elderly people (especially those aged 75 and older) do not contribute to the full participation of this category of citizens in various types of activities.

Key words: older people, adaptation, kidney-shaped time, olders in the city and in the countryside.

Введение

Современное общество характеризуется глобальными изменениями, связанными в том числе с периодом пандемии и переходом к новым моделям развития. Как на глобальном и страновом, так и на региональном уровнях они затрагивают и социальную политику. Ситуация с пандемией COVID-19 усилила социальную напряженность, создала трудности в различных сферах общественной жизни для различных групп населения¹. Одной из таких групп, которая в

¹ Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211; Batty M. The Coronavirus crisis: what will the post-pandemic city look like? // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2020. Vol. 47. N 4. P. 547–552. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808320926912>

наибольшей степени ощутила на себе все сложности в преодолении ситуации пандемии, являются пожилые люди².

Созданные ранее и активно внедряемые политики активного долголетия, которые развивались в рамках концепции активного долголетия, закрепленной в Мадридском плане, принятом в 2002 г., подверглись критике, так как столкнулись с множеством проблем при их реализации, прежде всего проблем, связанных с необходимостью вынужденной изоляции пожилых людей, а также с переосмыслением возможных активностей в рамках тотальных ограничений при изоляции в период пандемии³. В постпандемийное время налицо активное изменение взглядов на понимание старения. Происходит переход от идей активного долголетия, которые по большей части рассматривали возраст как ресурс, как время интеграции в социальную жизнь, как активное время для развития возможностей, к пониманию индивидуального возраста, его региональных особенностей, реализации пожилыми возможностей в контексте доступности технологий после окончания пандемии COVID-19⁴. Таким образом, в настоящее время крайне важным становится исследование адаптации пожилых людей, их адаптации к трансформирующемуся, изменяющемуся миру.

В настоящей статье мы рассматриваем адаптацию как совокупность условий, в которые помещен индивид, и взаимосвязей человека с окружающим миром. Адаптация рассмотрена как особенность социального поведения пожилых людей, а также как категория, связанная со спецификой современного российского общества, с региональным контекстом, с отличием жизни в городе от жизни на селе⁵. Процесс социальной адаптации пожилых людей тесно связан

² *Доброхлеб В.Г.* Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 166–173. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-15; *Zinn J.O.* Introduction: towards a sociology of pandemics // *Current Sociology*. 2021. Vol. 69. N 4. P. 435–452. URL: <https://doi.org/10.1177/00113921211020771>

³ *Галкин К.А.* Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15; *Petretto D.R., Pili R.* Ageing and COVID-19: what is the role for elderly people? // *Geriatrics*. 2020. Vol. 5. N 2. P. 25. URL: <https://doi.org/10.3390/geriatrics5020025>

⁴ *Atzendorf J., Gruber S.* Depression and loneliness of older adults in Europe and Israel after the first wave of covid-19 // *European Journal of Ageing*. 2022. Vol. 19. N 4. P. 849–861.

⁵ *Колязина Л.В.* Практики заботы о пожилых гражданах в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3 (55). С. 40–49. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-4; *Wolf J.* et al. Social capital, individual responses to heat waves and climate change adaptation: an empirical

с выбором социальных стратегий адаптации пожилых людей и обусловлен сельской или городской спецификой. Мы анализируем, как сами пожилые люди рассматривают возможности для своей адаптации, как пожилой человек строит вокруг себя социальную реальность и как реализует те или иные стратегии адаптации, в рамках которых позиционирует свой возраст. Таким образом, мы исследуем смыслы и особенности адаптации пожилых людей в постковидном мире с точки зрения репрезентации, рефлексии ими своего возраста, а также того, в какой степени существующий мир позволяет пожилым людям проявлять активность, какие стратегии проявления и маркирования активностей существуют у этой категории граждан в трансформирующемся постковидном мире.

Обзор литературы

Сегодня существует обширный пул работ, посвященных социальной адаптации. Ряд исследователей рассматривают адаптацию как степень адаптированности, т.е. степень того, как индивиды или группы людей смогли интегрироваться в существующие процессы социально-экономической и культурной среды⁶. Отмечается важность изучения характера взаимодействия индивидов с социальной средой, анализа самой адаптации, ее пассивного или активного характера⁷. В зависимости от природы адаптации, а также от ответов на вопрос о том, насколько успешной выступает адаптация, выбираются показатели, которые в количественных исследованиях рассматриваются преимущественно как показатели успешности адаптационного процесса.

Другим фокусом исследований выступает изучение индивидуальных особенностей и перспектив адаптации самого адаптанта. В рамках данного подхода учитываются такие факторы, как состояние здоровья, психологическое состояние, социальное самочувствие индивида, восприятие происходящих общественных перемен⁸. Специалисты, изучающие адаптацию в эпоху потребления,

study of two UK cities // *Global Environmental Change*. 2010. Vol. 20. N 1. P. 44–52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2009.09.004>

⁶ Мозговая А.В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // *Социологическая наука и социальная практика*. 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 151–165. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808

⁷ Umanailo M.C.B. Structure of social change in industrial society // *Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Riyadh*. 2019. N 3. P. 668–672.

⁸ Романычев И.С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2012. № 3. С. 82–85.

отмечают необходимость более широкого анализа адаптационных процессов и изучения не только материального обеспечения и социальной интегрированности, но и того, какие существуют различия в рамках жизненных шансов тех или иных индивидов и насколько эти шансы связаны с рисками, которые происходят в различных средах и нарушают процессы адаптации (или же способствуют их образованию)⁹. При таком рассмотрении на первый план выходят именно жизненные шансы индивидов, а также характер адаптации в контексте последствий адаптационного процесса человека.

В настоящей работе мы, операционализируя понятие социальной адаптации, опираемся на ресурсный подход в исследовании данного понятия. В рамках этого подхода существует несколько ответвлений. Первое связано с тем, что в ряде исследований, как правило, рассматриваются макроконтекст, социальные, экономические, властные, квалификационные ресурсы¹⁰. Второе направление рассматривает индивидуальный ресурс, который обусловлен социальным капиталом, здоровьем и субъективными стратегиями, связанными с выбором наилучшего и наименее затратного адаптационного пути¹¹. Использование ресурсного подхода к изучению индивидуальной адаптации пожилых людей в городе и сельской местности позволило наиболее комплексно проанализировать, как происходит выбор пожилыми людьми той или иной стратегии адаптации, как ситуация пандемии повлияла на выбор пожилыми наилучшего способа адаптации в зависимости от местонахождения и специфики социальной поддержки, развития инфраструктуры, психологического и физического самочувствия, необходимости в одиночку справляться с различными трудностями, которые задала пандемия (например, с ограничениями в возможности общения). Кроме того, ресурсный подход к анализу адаптации пожилых людей дает исследователю шанс рассмотреть специфику перехода этой категории граждан к использованию в повседневности информационных технологий, особенно в ситуации, связанной с заданными пандемией ограничениями в коммуникации, изоляцией, отсутствием мобильности и офлайн-общения, которые стали для пожилых

⁹ Terziev V. Conceptual framework of social adaptation // IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences. 2019. Vol. 5. N 13.

¹⁰ Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 28–41.

¹¹ Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

людей частью процесса преодоления ими последствий отдельного проживания в сельской местности и городе¹².

Стало быть, мы рассматриваем адаптацию как индивидуальную стратегию, принимая во внимание особенности ресурсов для пожилых людей в рамках различных территорий в постковидный период. Важным компонентом адаптации пожилых людей выступают активности пожилых и возможности для проявления подобных активностей.

Несмотря на сбор больших количественных данных по активному долголетию, изучению особенностей удовлетворенности пожилых людей программами активности, которые им предложены, пересечениям адаптации и активного долголетия пожилых людей уделено крайне мало внимания. То же самое относится к изучению альтернатив, которые могли бы прийти на смену концепции активного долголетия. Это стало особенно актуальным во время наступления пандемии и возврата к прежним, биологическим идеям относительно возраста (когда возраст пожилого человека рассматривается как опасное время с точки зрения вируса, и единственно верным решением в таком случае выступает изоляция пожилых людей, несмотря на психологические сложности и проблемы, которые может доставить отдельное, а нередко и одинокое проживание пожилых)¹³. Таким образом, немаловажным для изучения перспектив развития политики активного долголетия выступает исследование особенностей ее понимания самими пожилыми людьми, восприятия ими своих активностей. Также большое значение имеет анализ того, как данные активности репрезентируются в зависимости от различий в доступе к возможностям программ активного долголетия.

Идея активного долголетия становится одной из магистральных в эпоху господства взгляда на старение пожилых людей с точки зрения возможностей получения ими необходимых ресурсов, их интеграции в социальную жизнь, получения ими возможностей для продолжения трудоустройства и переобучения, расширения своих навыков и способностей, несмотря на выход на пенсию¹⁴. Из-

¹² Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // *The Journal of Social Policy Studies*. 2022. Т. 20. № 3. С. 377–392. DOI: 10.17323/727-0634-2022-203-377-392

¹³ Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // *Laboratorium: журнал социальных исследований*. 2020. № 2. С. 187–211.

¹⁴ Mendes F.R. Active ageing: A right or a duty? // *Health Sociology Review*. 2013. Vol. 22. N 2. P. 174–185; Walker A. Population ageing from a global and theoretical per-

начально идея успешного старения как образа жизни появляется в работах геронтологов, в которых они рассматривают перспективы и возможности достижения активного старения, состоящего из трех ключевых элементов: здорового образа жизни, физической активности и включенности в политическую жизнь, включенности в жизнь местных сообществ. Эти три показателя призваны улучшить качество жизни пожилых людей и, следовательно, расширить возможности для использования ресурсов пожилых на различных уровнях, для включения пожилых людей в целый спектр направлений общественной жизни.

Таким образом, у исследователей, изучающих перспективы развития активного долголетия, в особенности в период после пандемии, возникло множество вопросов, связанных с будущим самой теории, с возможностями использования данного подхода для осмысления и понимания специфики потребностей самих пожилых людей и особенностей такого рода потребностей со стороны пожилых¹⁵. Назрел резонный вопрос о поиске новых моделей, о новом объяснении активностей в контексте возрастающей роли индивидуальных и поколенческих различий в представлении о своих активностях у пожилых, что реализуется сегодня во многих эмпирических и теоретических исследованиях, рассматривающих старение¹⁶.

Вопрос о проблематизации индивидуальных особенностей активности пожилых людей — это вопрос о противопоставлении двух исследовательских парадигм. Первая парадигма связана с дискурсом права, институциональными дискурсами, сохранением важности унификаций и созданием единых условий в социальной политике для всех пожилых¹⁷. Вторая парадигма определена этикой заботы, которая транслирует индивидуальный подход к изучению потребностей пожилых людей и не зависит от институциональных,

spective: European lessons on active ageing // *Age-Friendly Cities and Communities in International Comparison*. Cham, 2016. P. 47–64; *Галкин К.А.* Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252.

¹⁵ *Доброхлеб В.Г.* Демографическое старение в России и новая социальная реальность // *Народонаселение*. 2022. Т. 25. № 2. С. 66–76.

¹⁶ *Palmer K. et al.* The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing // *Aging clinical and experimental research*. 2020. Vol. 32. N 7. P. 1189–1194; *Crimmins E.M.* Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors // *Public Policy & Aging Report*. 2020. Vol. 30. N 4. P. 142–146.

¹⁷ *Walker A., Foster L.* Active ageing: rhetoric, theory and practice // *The Making of Ageing Policy*. N.Y., 2013. P. 27–52.

системных механизмов. Повседневные взаимодействия, определенные практиками заботы, позволяют исследователю рассмотреть особенности различных спектров желания (и нежелания) пожилых людей проявлять активность (или проявлять их только в определенных сферах жизни). К примеру, недостаток финансовых средств у большинства пожилых людей в России способствовал продолжению занятости и интегрированности их на рынки труда¹⁸.

Помимо этого, на активности пожилых людей могут влиять и различные неравенства, существующие в рамках конкретных территорий и, следовательно, создающие невозможность реализации некоторых мер политики активного долголетия. К примеру, это отсутствие возможностей для посещения курсов ИКТ в сельской местности и/или невозможность участия в фитнес-программах для пожилых людей — жителей небольших городов¹⁹.

Отличительная черта норм политики активного долголетия, закрепленных в национальных проектах и законах, состоит в том, что ключевые нормы обеспечения возможностей для активного долголетия со стороны пожилых людей обусловлены набором жестких регуляторов, преимущественно в сфере здравоохранения и политики диспансеризации, направленной на поддержание пожилыми людьми своего здоровья. Национальные проекты и законодательные акты, так же как и деятельность гериатрической службы в России, содержат набор жестких, предписываемых правил и стратегий развития в отношении пожилых людей²⁰.

Более того, эти правила имеют универсальное определение, что не дает возможности рассмотреть перспективы активного долголетия для пожилых людей с точки зрения разных регионов страны, разных возрастов и поколенческих различий. Следовательно, интерпретация норм активного долголетия, принятых в качестве приоритета социальной политики в России по отношению к пожилым людям, является достаточно сложным и запутанным вопросом, что, как правило, приводит к разрыву между самими правилами и нормами, идеями и концепциями, и их потенциалом и эффективностью. Наиболее важным препятствием для реализации норм

¹⁸ Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2. № 2. С. 79–90.

¹⁹ Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. М., 2018. С. 176–180.

²⁰ Сернов В.Ю. Создание гериатрической службы в России: опыт Санкт-Петербурга // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 36–42; Ткачева О.Н. Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5. С. 9.

активного долголетия выступает необходимость создания условий для активного межпоколенческого долголетия пожилых людей. Создание условий и мероприятий для молодых поколений пожилых людей (65+) вступает в сложную взаимосвязь с существующей социально-экономической политикой и рыночными отношениями. С одной стороны, как показывают различные исследования, молодые поколения пожилых людей стремятся продолжать работать, переобучаться и расширять свои профессиональные навыки, а с другой стороны, такие пожилые работники сталкиваются со все более сложными требованиями рынка труда и переходят на низкоквалифицированную работу²¹. Например, современный рынок требует от работников не только продолжать совершенствовать свои навыки и проходить переподготовку, но и уметь использовать и развивать творческие и креативные навыки, а также постоянно совершенствоваться в профессии²². Эти требования рынка не всегда могут быть удовлетворены, в том числе самими пожилыми работниками, которые ориентированы на консервативное отношение к работе и передачу знаний и навыков молодым поколениям больше, чем на переподготовку и изменение подходов к работе.

Политика активного долголетия по отношению к старшему поколению пожилых людей (75+) в Российской Федерации также достаточно неоднозначна. Так, для этого поколения реализуемая в России социальная политика устанавливает стандартизированный набор мероприятий для реализации своих активностей, часто ограниченный встречами с друзьями и лекциями по здоровью²³. В то же время, согласно новым исследованиям, важными мероприятиями для поколения 75+ являются общение, поддерживающие дискуссии, а также выбор занятий с возможностью минимизации серьезных физических нагрузок и спокойный выбор наиболее подходящего образа повседневной жизни²⁴.

²¹ *Доброхлеб В.Г.* Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.

²² *Богданова Е.А.* Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.

²³ *Щанина Е.В.* Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 57–67.

²⁴ *Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О.* Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140; *Ноянзина О.Е., Максимова С.Г.* Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 99–119.

Таким образом, в современной политике активного долголетия в России отсутствует поколенческая составляющая, фокусирующаяся на наиболее подходящих вариантах активности для конкретного поколения пожилых людей. Это говорит о необходимости проведения исследований, посвященных индивидуальному планированию активности пожилыми людьми.

В этом контексте также важно то, что пожилые люди получают стимулы для продолжения своей деятельности и сохранения интеграции на рынке труда, что мотивирует их к уходу или продолжению работы. Экономическая составляющая занятости является одним из таких стимулов. Преодоление чувства одиночества и исключения из социальной жизни, которое многие пожилые люди обычно испытывают в пенсионном возрасте, также упоминалось как важный стимул для сохранения активности на рабочем месте. Во многих случаях продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию требует перехода в другой профессиональный статус. Это происходит потому, что пожилые люди продолжают работать и совмещают работу с поддержкой семьи и хобби, включая работу в команде, общение и взаимодействие в группе, которые также являются важной частью деятельности пожилых людей после выхода на пенсию. Все эти факторы представляют собой важные компоненты стратегий адаптации пожилых людей, которые становятся наиболее актуальными в постковидное время и создают в том числе новые перспективы в контексте рассмотрения политики активного долголетия, как и стратегий адаптации пожилых людей в этот период.

Материалы и методы

Исследование проводилось в двух регионах РФ: городе федерального значения Санкт-Петербурге и селах Республики Карелия. Всего в рамках исследования было собрано 30 полуструктурированных интервью с пожилыми людьми — жителями данных локаций (n=30), по 15 интервью в каждой локации. Все интервью проводились с марта по сентябрь 2022 г. Информанты, участники исследования — это пожилые люди в возрасте от 65 до 75 лет, на пенсии и нигде не работающие.

Выбор двух локаций — города федерального значения и сельской местности — неслучаен. Методологически он обусловлен тем, что в рамках этих локаций мы планировали зафиксировать максимальные различия в стратегиях адаптации, связанные с инфраструктурными особенностями, развитием сельского и городского здравоохранения, а также спецификой изоляции в периоды панде-

мии. Структура выборки по полу отражала общую картину исследований пожилых людей в стране, где соотношение пожилых мужчин и женщин составляет примерно 1:2. Половина информантов имела высшее образование, преимущественно это информанты, которые проживали в городе федерального значения.

Метод анализа интервью — тематический. Применение данного метода позволило выделить адаптационные стратегии пожилых людей на основании анализа ими своей повседневной жизни и выделения ключевых тем, которые легли в основу этих адаптационных стратегий.

Результаты

Стратегия принятия перемен

Представители данной стратегии в большинстве своем отмечали, что не ощущали каких-либо проблем в период пандемии и постпандемийное время. Как правило, информанты, представители этой стратегии, были городскими жителями, которые имели высшее образование и достаточно развитый адаптационный потенциал к изменениям. Сам период пандемии показал, что пожилые люди, представители данной стратегии, могли спокойно воспринимать сложившуюся ситуацию: *“Да, была изоляция, но я не особенно почувствовал какие-либо проблемы. Да и сейчас, когда пандемия уже прошла, все равно так или иначе возникает необходимость жить. И я не скажу, что было какое-то сильное влияние на это, на то, что жизнь как-то изменилась. Нужно было просто принимать все результаты перемен, подстраиваться под эти перемены”* (ж., 78, Санкт-Петербург).

В плане принятия перемен для представителей данной стратегии решающим оказался фактор уровня жизни, который способствовал сохранению баланса в психологическом и физическом здоровье и формированию отношения к изменению как неизбежным и необходимым, к принятию таких изменений. Так, среди тех, кто не ощутил никаких проблем, большинство были информантами, которые имели довольно высокий уровень жизни. Кроме того, представители данной стратегии считали, что сам период пандемии выступает отличным шансом для того, чтобы получить новые навыки, освоить информационные технологии, обрести новые хобби и увлечения, в том числе подработки в интернете, — более того, пандемия открывает возможности для волонтерских практик, волонтерской помощи. Среди представителей стратегии принятия перемен зафиксирована наибольшая доля людей, которые доверяли официальной статистике, государственным мерам защиты,

необходимым ограничениям в период пандемии. Также большинство представителей названной стратегии обычно придерживалось режима самоизоляции, соблюдения всех ограничительных мер и считало, что наилучшим ресурсом для адаптации выступает быстрая реакция на происходящие в мире глобальные изменения, выбор правильной стратегии поведения при адаптации. Основным источником помощи для представителей этой стратегии выступал узкий круг людей (как правило, это близкие люди, которые могли дать необходимый совет и показать, что необходимо делать в условиях пандемии).

Важным в данном контексте выступает и тот факт, что, продолжая свои активности и сохраняя интегрированность в рынок труда, пожилые люди получают важный стимул, который значим как с позиции заботы, так и с точки зрения мотивации продолжать трудовую деятельность. Подобным стимулом выступает финансовая составляющая работы. Также важным стимулом к ведению активности в рамках трудовой деятельности информанты отмечали преодоление одиночества и эксклюзии из социальной жизни, что свойственно многим пожилым людям после выхода на пенсию. Нередко сохранение занятости после выхода на пенсию сопровождалось переходом к другому экспертному статусу, это было обусловлено тем, что пожилые люди продолжали работать и были включены в коллектив, в коммуникацию, взаимодействия в коллективе, однако совмещали работу с помощью в семье или с хобби, которые также выступали важной частью активностей пожилых после выхода на пенсию: *“Я уже просто не могу без жизни нашей кафедры. Вышла на пенсию, потому что внуки. Да и, сами понимаете, нужно было уже выходить. Но все равно хорошо, что мне предложили программы смотреть и методическую работу выполнять. Она буквально спасает. Нет ощущения, что ты куда-то ушел, потому что все равно есть чувство того, что ты продолжаешь работать, того, что ты вовлечена в деятельность”* (ж., 65, кандидат биологических наук, Санкт-Петербург).

Кроме того, активность, выраженная через продолжение занятости для пожилых, представителей данной стратегии, была обусловлена и понижением статуса на работе, переводом на менее квалифицированную и, следовательно, хуже оплачиваемую должность. При этом сохранение занятости по-прежнему выступает весомым аргументом с точки зрения поддержания своих индивидуальных активностей, расширения спектра участия и включения: *“С приходом техники и электроники я уже, надо сказать, не смог бы выполнять здесь работу по наладке оборудования, по чертежам*

в целом. Но хорошо, что меня оставили, пусть и уборщиком. Все же это лучше, чем просто сидеть дома и ничего не делать, дни прожигать. Пока есть движение, есть и жизнь” (м., 69, мастер, Санкт-Петербург).

Даже отсутствие официального оформления по ТК РФ не было препятствием для продолжения трудовой деятельности и включенности в активность.

Стратегия осознания изменений

Эта стратегия была характерна для пожилых людей, проживающих в сельской местности и имеющих крайне ограниченное число социальных контактов и довольно ограниченные ресурсы, что было обусловлено в том числе спецификой жизни на селе, характером местных взаимодействий. Среди представителей стратегии изменений было больше всего пожилых людей, которые перенесли COVID-19 в наиболее тяжелой форме. Для представителей данной стратегии наиболее сложным было перенести режим изоляции и его психологические последствия: *“Вот что я скажу. Сложно было сидеть вот так, в замкнутом пространстве, и, по сути, ничего не делать, не знать, что вокруг происходит. А если заболел, то это для тебя практически сплошная бесконечная неизвестность. Не знаешь, что вообще будет дальше и куда все это может повернуть”* (ж., 80, село, Республика Карелия).

Наиболее значимой и оптимистичной для представителей стратегии изменений была отмена ограничений, которая, как отмечали информанты, внесла ясность в происходящее и способствовала тому, что пожилые люди стали воспринимать пандемию не как угрозу, а как нечто прошедшее. При этом представители данной стратегии отмечали, что наиболее проблемной была нехватка необходимых ресурсов, а также то, что сами пожилые люди воспринимали свой возраст, свое старение, исходя из нехватки ресурсов для адаптации. А следовательно, изменения, которые были необходимы таким пожилым людям, принимались ими с трудом. Как правило, представители этой стратегии прибегали для адаптации к новым, постпандемийным условиям к помощи других людей, а сами с трудом воспринимали необходимость перемен, в том числе вынужденной трансформации повседневной жизни. Ключевые изменения для представителей данной стратегии происходили в принятии поддерживающих здоровье лекарств, а также в понимании неотвратимости прихода нового мира, который названные информанты обыкновенно воспринимали таким, какой он есть.

Стратегия непринятия (отрицания)

По уровню скептицизма и понимания важности ресурсов для возможностей адаптации представители данной стратегии наиболее близки к информантам, реализующим стратегию осознания изменений. Они больше других столкнулись со смертельными случаями, со сложностями в перенесении и переживании инфекционного заболевания. Кроме того, для представителей данной стратегии наиболее характерно снижение доверия к государству и нормам, которые государство внедряло для возможной адаптации пожилых людей и сохранения их здоровья в период пандемии: *“Это было тяжелое испытание, которое, конечно, еще не закончилось. Да и как оно вообще может закончиться? Ведь происходит перелом всего, что было прежде, того порядка, который был ранее. И сейчас уже конечно, приходит это осознание, но принять его практически невозможно. И лучшая стратегия здесь — просто наблюдать, молча и тихо ждать, особо ничего не делая. И тогда все будет идти так, как и должно идти, — своим чередом”* (м., 81, Санкт-Петербург).

Среди представителей стратегии отрицания были не только жители сельской местности, но и пожилые люди из города федерального значения. И те и другие, как правило, не доверяли официальной статистике заболеваемости и отмечали, что в период пандемии и после нее им приходилось отстаивать свои права на прежнюю жизнь и не принимать необходимых изменений. Например, пожилые люди, представители данной стратегии, с трудом принимали изменения, связанные с переходом общения в онлайн-формат, тяжело им давалась и необходимость обучения, повышения квалификации в сфере информационных технологий. Кроме того, представители указанной стратегии не поддерживали государственные нормы и политику активного долголетия, а также все рекомендации, которые в период пандемии давало государство и официальные СМИ, и отмечали, что самым сложным после пандемии выступает как отсутствие прежних ресурсов для общения, мобильности и коммуникации, так и то, что было практически нереально создать новые ресурсы, новые возможности, было чрезвычайно сложно маркировать свой возраст, занимаясь, как и раньше, привычными делами, но при этом не боясь заразиться вирусом.

Потеря каких-либо активностей воспринимается группой старших пожилых довольно болезненно. Часто важность активности подчеркивается в нарративах интервью такими словами, как *“движение — это жизнь”*, *“надо что-то делать, а иначе совсем пропадешь”*, *“без активной жизни нынче никак”*. Если судить по материалам интервью, достижение пенсионного возраста воспринимается пожи-

лыми как рубеж, при приближении к которому прежняя активность теряет былую актуальность, а новые типы активности и вовлеченности пожилых людей, как правило, зависимы от заботы о них со стороны самих пожилых людей. При этом представители группы старших пожилых считают важным не потерять свою активность и вовлеченность в социальную жизнь, несмотря на отсутствие таких возможностей. Перед пожилыми из данной группы встает вопрос о поиске такого рода коммуникации и различных занятий, которые способствуют общению.

Проблема потери интегрированности в социальную жизнь, потери активности воспринимается старшими пожилыми наиболее остро. Интервью показывают, что самым значимым фактором у пожилых людей выступает моральная сторона потери активностей, которая, как следствие, создает трудности с восприятием себя и своего старения. В то же время программы, которые создаются институционально, не оказывают положительного эффекта на интеграцию пожилых людей в социальную жизнь, на их общение и коммуникацию, а в большей степени воспринимаются пожилыми как точечные инициативы, в рамках которых можно на время получить необходимую коммуникацию и стать участником каких-либо происходящих в жизни процессов.

Информанты, представители данной стратегии, отмечали, что круг активностей, предлагаемый муниципалитетами пожилым людям по различным программам активного долголетия, довольно узок. Так, ключевой активностью, которая предлагается в рамках таких программ, выступают курсы ИКТ, однако роль этих курсов с точки зрения повышения активности пожилых людей довольно посредственная. Сами пожилые люди обычно рассматривают такие курсы как “дежурную активность”, которая способствует в большей степени развитию коммуникации и незначительной интеграции в социальную жизнь, чем переобучению или освоению новой техники.

Заключение

В рамках настоящего исследования нами были рассмотрены три стратегии адаптации пожилых людей к ситуации пандемии, проанализирована специфика такой адаптации в постковидное время в городе и сельской местности. Показано, что существуют явные различия между адаптацией к ковидному периоду и адаптацией к постковидной реальности, они обусловлены территорией проживания (город или село), возрастом и в целом восприятием ситуации пандемии, ее последствий. С наибольшими трудностями столкну-

лись представители стратегий осознания изменений и неприятия (отрицания). Речь здесь идет об отсутствии необходимых ресурсов для адаптации в постковидное время, возможностей для того, чтобы принять изменения, адаптироваться к глобальным переменам в мире в целом. Следует отметить, что представители стратегии осознания изменений, как правило, проживали в сельской местности.

Представители стратегии принятия перемен, напротив, в наибольшей степени склонны воспринимать происходящие изменения как незначительные. Ключевыми ресурсами адаптации для представителей данной стратегии в период пандемии выступают переход к онлайн-общению, онлайн-взаимодействию, активное обращение к ресурсам семейного общения, поиск новых занятий и увлечений.

Вопросы потери социальной интеграции и потери активности были выделены пожилыми людьми в наибольшей степени как проблемы, препятствующее их адаптации. Если исходить из результатов интервью, то можно сказать, что наиболее важным фактором для пожилых людей было моральное измерение потери активности, что привело к трудностям в осознании себя и своего возраста. В то же время программы, созданные институционально, не оказывают положительного влияния на интеграцию пожилых людей в социальную жизнь, общение и коммуникацию, а являются лишь временной мерой для получения пожилыми людьми необходимого общения и возможности участвовать во всех процессах, происходящих в их жизни.

Результаты данного исследования показывают, что достижение пенсионного возраста и прекращение работы являются переходом от деятельности, связанной в основном с работой, к деятельности в различных сферах повседневной жизни. Инициативы и меры социальной политики, реализуемые в отношении пожилых людей на пенсии (особенно в возрасте 75 лет и старше), не способствуют полноценному участию этой категории граждан в различных видах деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Богданова Е.А. Трудовые отношения с участием пенсионеров: забота или манипуляция? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14. № 4. С. 535–550.

Галкин К.А. Социальная политика активного долголетия в России и государствах всеобщего благосостояния Европы: опыт сравнительного анализа // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15. № 2. С. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15

Галкин К.А. Цифровизация волонтерства пожилых людей в период пандемии: возможности и барьеры в контексте искусственного интеллекта // The Journal of Social Policy Studies. 2022. Т. 20. № 3. С. 377–392. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392

Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 124–140.

Григорьева И., Богданова Е. Концепция активного старения в Европе и России перед лицом пандемии COVID-19 // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2020. № 2. С. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211

Доброхлеб В.Г. Демографическое старение в России и новая социальная реальность // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 2. С. 66–76.

Доброхлеб В.Г. Занятость пожилых людей в России: причины и последствия // Миграция и социально-экономическое развитие. 2017. Т. 2. № 2. С. 79–90.

Доброхлеб В.Г. Ресурсный потенциал пожилого населения России // Социологические исследования. 2008. № 8. С. 55–61.

Доброхлеб В.Г. Современная пандемия и риск роста социальной изоляции пожилых людей // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 166–173. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-15

Колязина Л.В. Практики заботы о пожилых гражданах в современной России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2020. № 3 (55). С. 40–49. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-4

Мозговая А.В. Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределенности // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 4 (28). С. 151–165. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808

Ноянзина О.Е., Максимова С.Г. Интегрированная старость: социальная политика в условиях угроз демографической безопасности // Society and Security Insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 99–119.

Романычев И.С. Ресурсный подход в социальной работе: к вопросу о социологическом осмыслении // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 3. С. 82–85.

Сертов В.Ю. Создание гериатрической службы в России: опыт Санкт-Петербурга // Вестник Росздравнадзора. 2016. № 4. С. 36–42.

Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11

Соболева Е.В. Активное долголетие как способ преодоления возрастного социального неравенства // Социальное неравенство современности: новая реальность научного осмысления. М., 2018. С. 176–180.

Тихонова Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 3. С. 28–41.

Ткачева О.Н. Перспективы развития гериатрической службы в Российской Федерации // Справочник поликлинического врача. 2017. № 5.

Щанина Е.В. Факторы социальной активности старшего поколения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2009. № 2. С. 57–67.

REFERENCES

Atzendorf J., Gruber S. Depression and loneliness of older adults in Europe and Israel after the first wave of covid-19 // *European Journal of Ageing*. 2022. Vol. 19. N 4. P. 849–861.

Batty M. The Coronavirus crisis: what will the post-pandemic city look like? // *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*. 2020. Vol. 47. N 4. P. 547–552. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2399808320926912>

Bogdanova E.A. Trudovye otnosheniya s uchastiem pensionerov: zabota ili manipulyaciya? [Labor relations involving pensioners: care or manipulation?] // *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. 2016. N 4. P. 535–550 (in Russian).

Crimmins E.M. Age-related vulnerability to coronavirus disease 2019 (COVID-19): biological, contextual, and policy-related factors // *Public Policy & Aging Report*. 2020. Vol. 30. N 4. P. 142–146.

Dobrohleb V.G. Demograficheskoe starenie v Rossii i novaya social'naya real'nost' [Demographic aging in Russia and the new social reality] // *Narodonaselenie*. 2022. N 2 (25). P. 66–76 (in Russian).

Dobrohleb V.G. Resursnyj potencial pozhilogo naseleniya Rossii [Resource potential of the older population of Russia] // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2008. N 8. P. 55–61 (in Russian).

Dobrohleb V.G. Sovremennaya pandemiya i risk rosta social'noj izolyacii pozhilyh lyudej [The modern pandemic and the risk of increasing social isolation of the older] // *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo*. 2020. N 3. P. 166–173 DOI: 10.26653/2076-4650-2020-3-15 (in Russian).

Dobrohleb V.G. Zanyatost' pozhilyh lyudej v Rossii: prichiny i posledstviya [Employment of elderly people in Russia: causes and consequences] // *Migraciya i social'no-ekonomicheskoe razvitie*. 2017. N 2 (2). P. 79–90 (in Russian).

Galkin K.A. Social'naya politika aktivnogo dolgoletiya v Rossii i gosudarstvah vseobshchego blagosostoyaniya Evropy: opyt sravnitel'nogo analiza [The social policy of active longevity in Russia and the Welfare States of Europe: the experience of comparative analysis] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2022. N 2 (15). P. 239–252. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.15 (in Russian).

Galkin K.A. Cifrovizaciya volonterstva pozhilyh lyudej v period pandemii: vozmozhnosti i bar'ery v kontekste iskusstvennogo intellekta [Digitalization of volunteering of elderly people during the pandemic: opportunities and barriers in the context of artificial intelligence] // *The Journal of Social Policy Studies*. 2022. N 3 (20). P. 377–392. DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-3-377-392 (in Russian).

Grigor'eva I.A., Uhanova Yu.V., Smoleva E.O. Transformaciya social'noj politiki v Rossii v kontekste stareniya naseleniya [Transformation of social policy in Russia in the context of population aging] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2019. N 5 (12). P. 124–140 (in Russian).

Grigor'eva I., Bogdanova E. Konceptiya aktivnogo stareniya v Evrope i Rossii pered licom pandemii COVID-19 [The concept of active aging in Europe and Russia in the face of the COVID-19 pandemic] // *Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij*. 2020. N 2. P. 187–211. DOI: 10.25285/2078-1938-2020-12-2-187-211 (in Russian).

Kolyazina L.V. Praktiki zaboty o pozhilyh grazhdanah v sovremennoj Rossii [Practices of caring for senior citizens in modern Russia] // *Izvestiya vysshih*

- uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. 2020. N 3 (55). P. 40–49. DOI 10.21685/2072-3016-2020-3-4 (in Russian).
- Mendes F.R.* Active ageing: a right or a duty? // *Health Sociology Review*. 2013. Vol. 22. N 2. P. 174–185.
- Mozgovaya A.V.* Identifikaciya, ocenka i adaptaciya k risku v usloviyah neopredelyonnosti [Identification, assessment and adaptation to risk in conditions of uncertainty] // *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika*. 2019. N 4 (28). P. 151–165. DOI: 10.19181/snsp.2019.7.4.6808 (in Russian).
- Noyanzina O.E., Maksimova S.G.* Integrirovannaya starost': social'naya politika v usloviyah ugroz demograficheskoj bezopasnosti [Integrated old age: social policy in the context of threats to demographic security] // *Society and Security Insights*. 2018. N 1 (1). P. 99–119 (in Russian).
- Palmer K. et al.* The potential long-term impact of the COVID-19 outbreak on patients with non-communicable diseases in Europe: consequences for healthy ageing // *Aging Clinical and Experimental Research*. 2020. Vol. 32. N 7. P. 1189–1194.
- Petretto D.R., Pili R.* Ageing and COVID-19: what is the role for elderly people? // *Geriatrics*. 2020. Vol. 5. N 2. P. 25. URL: <https://doi.org/10.3390/geriatrics5020025>
- Romanychev I.S.* Resursnyj podhod v social'noj rabote: k voprosu o sociologicheskom osmyslenii [Resource approach in social work: on the issue of sociological understanding] // *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. 2012. N 3. P. 82–85 (in Russian).
- Serpov V.Yu.* Sozdanie geriatricheskoj sluzhby v Rossii: opyt Sankt-Peterburga [Creation of a geriatric service in Russia: the experience of St. Petersburg] // *Vestnik Roszdravnadzora*. 2016. N 4. P. 36–42 (in Russian).
- Shchanina E.V.* Faktory social'noj aktivnosti starshego pokoleniya [Factors of social activity of the older generation] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki*. 2009. N 2. P. 57–67 (in Russian).
- Smoleva E.O.* Kriterii i resursy social'noj adaptacii naseleniya Rossii [Criteria and resources of social adaptation of the Russian population] // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2019. N 2 (12). P. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11 (in Russian).
- Soboleva E.V.* Aktivnoe dolgoletie kak sposob preodoleniya vozrastnogo social'nogo neravenstva [Active ageing as a way to overcome age-related social inequality] // *Social'noe neravenstvo sovremennosti: novaya real'nost' nauchnogo osmysleniya*. 2018. P. 176–180 (in Russian).
- Terziev V.* Conceptual framework of social adaptation // *IJASOS-International E-Journal of Advances in Social Sciences*. 2019. Vol. 5. N 13.
- Tihonova N.E.* Resursnyj podhod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionnyh issledovaniyah [Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies] // *Ekonomicheskaya sociologiya*. 2006. N 3 (7). P. 28–41 (in Russian).
- Tkacheva O.N.* Perspektivy razvitiya geriatricheskoj sluzhby v Rossijskoj Federacii [Prospects for the development of geriatric services in the Russian Federation] // *Spravochnik poliklinicheskogo vracha*. 2017. N 5 (in Russian).
- Umanailo M.C.B.* Structure of social change in industrial society // *Proceedings of the International Conference on Industrial Engineering and Operations Management Riyadh*. N.Y., 2019. P. 668–672.

Walker A. Population ageing from a global and theoretical perspective: European lessons on active ageing // Age-friendly cities and communities in international comparison. Cham, 2016. P. 47–64.

Walker A., Foster L. Active ageing: rhetoric, theory and practice // The Making of Ageing Policy. N.Y., 2013. P. 27–52.

Wolf J. et al. Social capital, individual responses to heat waves and climate change adaptation: an empirical study of two UK cities // Global Environmental Change. 2010. Vol. 20. N 1. P. 44–52. URL: <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2009.09.004>

Zinn J.O. Introduction: towards a sociology of pandemics // Current Sociology. 2021. Vol. 69. N 4. P. 435–452. URL: <https://doi.org/10.1177/00113921211020771>